

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Июнь 1894.

Вотъ уже прошелъ и еще одинъ учебный годъ. Какъ быстро мчатся эти годы! Конечно весьма пріятно, когда наступаетъ Юнь и мѣсяца на три можешь чувствовать себя на полной свободѣ; но приходитъ такая пора жизни, когда наступленіе каждаго новаго Юня не радуешь только, но и вызываетъ на нѣкоторыя размышленія, невольно заставляешь припомнить, что съ каждымъ промчавшимся годомъ все ближе и ближе спускаешься къ роковому предѣлу. Эта тревожная мысль очень часто приходитъ мнѣ въ голову, но такъ ужъ устроенъ человѣкъ, что онъ всего болѣе склоненъ жить настоящимъ и, не задумываясь слишкомъ долго надъ тяжелыми вопросами будущаго, спѣшитъ пользоваться тѣмъ, что есть у него подъ руками.

Значительно опустѣла по обычаю съ наступленіемъ вакаціи наша академія. Большинство ся дѣятелей разбрелись на лѣто въ разныя стороны, смотря по возможности или желанію, а мнѣ на этотъ разъ Господь привелъ отправиться на южный берегъ Крыма.

Было время, и еще очень недавно, когда далекія путешествія къ минеральнымъ водамъ или морскимъ купаньямъ составляли дорогую роскошь, доступную лишь людямъ весьма богатымъ т. е. такимъ, которые въ большинствѣ своемъ и трудятся меньше другихъ и пользуются постоянно лучшими условіями жизни, а слѣдовательно и меньше другихъ пуждаются въ отдыхѣ и подкрѣпленіи силъ. Изъ людей, живущихъ личнымъ трудомъ, двигались въ дальній путь только очень немногіе, которымъ или почему-либо осо-

бенно благоприятствовала судьба, или которыхъ гнала крайняя необходимость. Теперь уже, слава Богу, не то. Разнаго рода льготы и скидки за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и множество расплодившихся повсюду недорогихъ сравнительно мебелированныхъ помѣщеній со столомъ даютъ въ настоящее время возможность и людямъ очень скромнаго достатка, при нѣкоторой экономіи въ продолженіи года, скопить сотню—двѣ, чтобы провести хотя нѣкоторую часть лѣта на какомъ-либо курортѣ. По дорогѣ на югъ я видѣлъ очень много студентовъ, учителей и особенно учительницъ, которые всѣ стремились провести свою вакацію или въ Славянскѣ, или на Кавказѣ, или на южномъ берегу Крыма. Одинъ изъ такихъ туристовъ въ случайной бесѣдѣ говорилъ, что отнынѣ въ продолженіи года онъ ни въ карты играть, ни вина пить не станетъ, лишь бы только скопить денегъ на какую нибудь лѣтнюю поѣздку. Конечно, за всѣхъ этихъ людей можно только радоваться. Если кому, то въ особенности имъ—людямъ напряженнаго умственнаго труда, вполне законно и умѣстно подкрѣпить свои расшатанные нервы прекраснымъ воздухомъ юга и его цѣлебными водами.

Могучая природа южно-крымскаго края производитъ на непривычнаго къ ней сѣвернаго человѣка и чарующее и вмѣстѣ подавляющее впечатлѣніе. Эти вершины горъ съ играющими на нихъ лучами солнца; эти непрерывно куда-то бѣгуція волны моря, то синія, то темно-свинцовыя, то серебристыя, то отливаюція всѣми цвѣтами радуги; эта роскошная флора кипарисовъ, лавровъ, каштановъ, магнолій и пр. и пр.; эти всюду журчащіе ручьи и водопады; эти величественные каменные утесы, то обнаженные во всей своей дикой красѣ, то увитые плющемъ и виноградомъ, то омываемые вѣчно плещущей волной,—все это представляетъ очарованному взору безконечный рядъ такихъ чудныхъ картинъ, отъ которыхъ не хочется оторваться по цѣлымъ часамъ. Зачѣмъ я не художникъ, зачѣмъ я не поэтъ, часто думается мнѣ. Цѣлые дни сидѣлъ-бы я въ какихъ-либо очаровательныхъ уголкахъ съ своимъ альбомомъ и десятки разныхъ набросковъ увезъ бы съ собою хотя-бы только изъ одной Алупки. Но любуясь каменными громадами горъ, на которыхъ останавливаются даже облака, не на-

ходя себѣ прохода, или безпредѣльною ширью волнующагося моря, или возносящимися къ небу стройными вершинами пирамидальныхъ тополей и кипарисовъ, не только испытываешь наслажденіе отъ этихъ грандіозныхъ картинъ природы, но вмѣстѣ и невольно смиряешься, чувствуешь свое великое ничтожество. Смотрю я на громадный морской пароходъ и думаю: какой ничтожной скорлупкой представляется онъ надъ бездною моря. Стоитъ лишь немножко нахмуриться этому морю и покрыться туманомъ, стоитъ лишь поразсердиться ему и забушевать своими волнами, чтобы заскрипѣлъ и затрещалъ пароходъ по всѣмъ своимъ составамъ, а перѣдко и пошелъ ко дну, оглашаемый отчаянными воплями погибающихъ, наскочивъ на какой-либо утесъ, или не справившись со штормомъ. Смотрю я на величественныя вершины Ай-Петри и думаю: какой жалкой букашкой представляется человѣкъ, когда онъ карабкается по крутымъ обрывамъ. Стоитъ лишь оторваться отъ каменнаго великана какой-либо стотысячной частичкѣ, чтобы подъ ея ужасающей тяжестью погибла эта букашка, не оставивъ по себѣ даже малѣйшаго слѣда. Какимъ ничтожествомъ представляется человѣкъ на ряду съ величіемъ природы, какими мелочами кажутся его обыденные маленькіе интересы, заботы и стремленія!.. Долго я никакъ не могъ отрѣшиться отъ этой мысли. Долго она не давала мнѣ взяться за перо, какъ я ни старался убѣдить себя въ необходимости своевременнаго выполненія разъ предпринятаго дѣла. Стоитъ-ли, думалось мнѣ, даже и вспоминать о мелочахъ нашей обыденной жизни, когда вокругъ все такъ могуче и величественно?!. Однако зачѣмъ же унижать и человѣка. Какъ ни величава природа, какъ ни кажется человѣкъ безсильнымъ и ничтожнымъ при сравненіи съ нею, однако онъ царитъ надъ нею силою своего ума, обуздываетъ и заставляетъ подчиняться себѣ ея повидимому непреоборимыя стихіи. Правда, перѣдко онъ гибнетъ въ непосильной жизненной борьбѣ; по, и погибая, не умираетъ совсѣмъ, какъ умираетъ все въ природѣ, а остается живымъ въ твореніяхъ, идеалахъ и стремленіяхъ своего безсмертнаго духа. Ничтоженъ и жалокъ человѣкъ по своимъ размѣрамъ на лонѣ могучей природы; но онъ великъ и неизмѣримо выше ея силою своего генія, богоподобными свойствами и стремленіями своего

разума; онъ и царь и рабъ, и червь и богъ, а потому можно-ли считать только мелочами хотя-бы и обыденные интересы и явленія его умственной жизни? Что говорить, чудно-хороши роскошныя картины юга, но и среди ихъ красота мнѣ съ удовольствіемъ вспоминается родной сѣверъ и уносится подь-часть душа

„опять въ затишье бора,

Опять въ нѣмую даль синѣющихъ луговъ;
Туда, гдѣ такъ грустна родная мнѣ картина,
Гдѣ вѣтви блѣдныхъ ивъ склонились надъ прудомъ,
Гдѣ къ гибкому плетню прикинула рябина,
Гдѣ утро обдаетъ осеннимъ холодкомъ.....
И часто предо мной встають подъ небомъ Юга,
Въ вѣнцѣ страдальческой и кроткой красоты,
Родного Сѣвера—покинутаго друга
Больныя, грустныя, но милыя черты“.....

Оторвемъ-же хотя на нѣкоторое время очарованный взоръ отъ красотъ юга, оглянемся назадъ на свой сѣверъ и постараемся припомнить что-либо изъ прожитаго въ минувшемъ учебномъ году нашей родной академіей.

Нельзя сказать, чтобы вторая половина этого года была особенно богата событіями. Академическая жизнь шла своимъ обычнымъ порядкомъ и потому лишь немного можетъ быть занесено на страницы нашей лѣтописи.

Къ концу 1893-го года двѣ каѳедры въ нашей академіи оставались вакантными, а именно: каѳедра Свящ. Писанія ветхаго завѣта, освободившаяся съ выходомъ доцента А. А. Жданова на службу по министерству народнаго просвѣщенія, и каѳедра нравственнаго богословія, осиротѣвшая со смертію инспектора академіи, о. архим. Григорія.

Уже вскорѣ послѣ его кончины стали распространяться слухи, что наиболѣе вѣроятнымъ преемникомъ ему слѣдуетъ считать исправляющаго должность доцента Спб. академіи по каѳедрѣ Свящ. Писанія ветхаго завѣта, молодаго о. іеромонаха Сергія (Страгородскаго). Одною изъ наиболѣе важныхъ причинъ, препятствовавшихъ немедленному назначенію о. Сергія въ Московскую академію, была безъ сомнѣнія тяжелая болѣзнь, на многія недѣли приковавшая его къ постели. Лишь 29-го декабря 1893 г. состоялся указъ Святѣйшаго Синода о назначеніи о. Сергія, „исправ-

ляющимъ должность инспектора Москов. Дух. академіи, съ предоставленіемъ ему участія во всѣхъ собраніяхъ академическаго совѣта и правленія на правахъ штатнаго инспектора“. По желанію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Московскаго Сергія, новый инспекторъ занялъ въ академіи кафедру нравственнаго богословія и въ первыхъ числахъ января 1894 г. былъ уже на мѣстѣ своего новаго служенія. Геромонахъ Сергій, въ мірѣ Иванъ Николаевичъ, родился въ 1867 г. въ городѣ Арзамасѣ, Нижегородской губерніи. Получивъ образованіе въ Нижегородской духовной семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи, о. Сергій тотчасъ по окончаніи курса въ 1890 г. (первымъ кандидатомъ), отправился въ Японію на служеніе церкви при японской православной миссіи. Здѣсь онъ трудился сперва въ качествѣ преподавателя семинаріи въ Токио, затѣмъ болѣе пяти мѣсяцевъ плавалъ въ японскихъ и китайскихъ водахъ, прикомандированный для отправленія пастырскихъ обязанностей на военномъ суднѣ, и наконецъ, опять возвратившись въ Японію, работалъ при миссіи въ Киото и др. мѣстахъ. Въ іюлѣ 1893 г. о. Сергій былъ избранъ на кафедру Св. Писанія ветхаго завѣта въ С.-Петербургскую дух. академію, но пробылъ на ней только до конца этого года, получивъ назначеніе въ академію Московскую.

На вакантную кафедру Свящ. Писанія ветхаго завѣта избранъ совѣтомъ академіи, въ засѣданіи его 21-го февраля 94 г., преподаватель греческаго языка въ Рязанской духовной семинаріи В. Н. Мышцынъ, окончившій курсъ въ Московской духовной академіи въ 1890-мъ году. Одиннадцатаго марта г. Мышцынъ, согласно требованію академическаго устава, прочиталъ двѣ пробныя лекціи на темы: „сущность ветхозавѣтнаго прообраза и значеніе его для ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ“ и „очеркъ содержанія книги Екклѣзіаста“. Обѣ эти лекціи совѣтъ призналъ удовлетворительными и, по его ходатайству, г. Мышцынъ утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ на академической кафедрѣ.

На ряду съ этими обычными перемѣнами, минувшею весною въ ученое сонмѣ Московской академіи произошло и чрезвычайное, почти не бывалое доселѣ приращеніе, — разумѣю почетное возведеніе въ ученую докторскую степень питомцевъ Московской духовной академіи, а нынѣ высо-

кихъ и уважаемыхъ іерарховъ Русской церкви, Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, и Преосвященнѣйшаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго. Параграфомъ 143 нынѣ дѣйствующаго академическаго устава православнымъ духовнымъ академіямъ предоставлено право возводить въ ученую докторскую степень лицъ извѣстныхъ своими учеными трудами и заслугами, по своему собственному почину, безъ всякаго съ ихъ стороны ходатайства и безъ представленія специально для сей цѣли написанныхъ докторскихъ диссертацій. Ревностно охраняя достоинство высшей учено-богословской степени, духовныя академіи доселѣ чрезвычайно рѣдко пользовались и пользуются этимъ предоставленнымъ имъ правомъ, а въ частности наша Московская академія до нынѣшняго года еще ни разу не сдѣлала употребленія изъ 143-го параграфа. Текущій 1894-й годъ составляетъ въ этомъ случаѣ первое исключеніе. Возбудивъ вопросъ о почетномъ возведеніи уважаемыхъ іерарховъ въ ученую докторскую степень, совѣтъ академіи, въ своемъ засѣданіи 15-го марта 94 г., составилъ двѣ комиссіи, которымъ поручилъ изготовить подробный отзывъ объ ихъ учено-литературныхъ трудахъ и заслугахъ. Въ составъ первой комиссіи для составленія отзыва о трудахъ Высокопр. Саввы вошли ординарный профессоръ Е. Е. Голубинскій, экстраординарные профессора Г. А. Воскресенскій и И. Н. Корсунскій и доцентъ А. П. Голубцовъ, а въ составъ второй для отзыва о трудахъ Преосв. Виссаріона: о. ректоръ академіи архим. Антоній, ординарный профессоръ М. Д. Мурстовъ и экстраординарные профессора П. И. Горскій-Платоновъ и А. П. Смирновъ. Черезъ два мѣсяца объ комиссіи представили свои отзывы, которые и были прочитаны 19-го мая въ засѣданіи совѣта.

Первая комиссія, упоминая лишь вкратцѣ о магистерской диссертаціи Высокопр. Саввы („объ устной исповѣди“), о собраніи его словъ и рѣчей и о многихъ его мелкихъ изслѣдованіяхъ археологическаго и церковно-историческаго содержанія, останавливаетъ свое вниманіе преимущественно на характеристикѣ и оцѣнкѣ его главнѣйшихъ трудовъ. Такимъ трудомъ комиссія признаетъ прежде всего: „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ сино-

дальной ризницы) и библиотеки“. Не смотря на свое скромное заглавіе, этотъ указатель съ полнымъ правомъ долженъ быть названъ ученымъ сочиненіемъ. Въ немъ помѣщенъ научно-составленный историческій очеркъ синодальной ризницы и библиотеки, а самое изложеніе указателя и описаніе предметовъ ризницы и библиотеки вполне отвѣчаетъ требованіямъ науки, сопровождаясь по мѣстамъ разными учеными соображеніями и заключеніями и многочисленными примѣчаніями, обнаруживающими въ авторѣ богатую эрудицію. Второе изданіе указателя было такъ переработано и расширено ученымъ авторомъ, что оказалось по своимъ размѣрамъ втрое бѣльшимъ перваго. Въ этомъ второмъ изданіи авторъ значительно дополнилъ исторію библиотеки новыми данными, добытыми изъ разныхъ мѣстъ и источниковъ, особенно же изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ архива Московской Оружейной палаты и затѣмъ, вмѣсто прежняго описанія лишь нѣкоторыхъ рукописей, составилъ полный библиографическій, научно обставленный, указатель всѣхъ, и греческихъ и славянскихъ, рукописей синодальной библиотеки, съ приложеніями и объяснительнымъ словаремъ какъ къ предметамъ ризницы, такъ и къ сокровищамъ библиотеки, также вполне научно составленными и, по суду самихъ ученыхъ, раскрывавшими многое совершенно новое даже для ученыхъ. Встрѣченный съ сочувствіемъ и одобреніемъ въ учебномъ мірѣ и удостоенный отъ академіи наукъ Демидовской преміи, указатель Высокопр. Саввы служитъ, по отзыву комиссіи, необходимою справочною настольною книгою не только для обычныхъ посѣтителей синодальной ризницы и библиотеки, но и для любителей и тружениковъ науки. „Древне-русскій, особенно церковный, бытъ, съ его религіознымъ міровоззрѣніемъ, съ его домашнимъ и общественнымъ обиходомъ, съ его искусствомъ на различныхъ степеняхъ развитія послѣдняго и т. д. до наглядности ясно раскрывался въ описаніи ризницы, а многочисленные, разновременные по происхожденію и разнообразные по содержанію, памятники древней письменности, хранящіеся въ библиотекѣ и описанные въ указателѣ простирающіеся не только на Русь въ разные времена ея исторіи, но и на иныя страны, особенно же Грецію, открывали собою, по указателю, обширное поле

для изученія состоянія просвѣщенія въ сихъ странахъ, для изслѣдованій въ области наукъ богословскихъ, философскихъ, историческихъ, словесныхъ, юридическихъ и др.“ — Къ работамъ надъ указателемъ тѣсно примыкаль другой серьезный трудъ Высокопр. Саввы — это „палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки VI—XVII вѣка“. Это изданіе, „особенно для тогдашняго состоянія науки палеографіи у насъ въ Россіи, имѣло очень большое значеніе, не утратившееся и доселѣ“... „Достаточно сказать, что палеографія, какъ вспомогательное средство читать и разбирать древнія рукописи, дотолѣ у насъ была совершенно неизвѣстна, и трудъ Высокопр. Саввы былъ первымъ опытомъ въ этомъ родѣ; а между тѣмъ потребность въ чтеніи и разборѣ рукописей для разныхъ научныхъ цѣлей... уже давно назрѣла и въ разсматриваемое время все болѣе и болѣе усиливалась“. Изданіе Высокопр. Саввы „для ученыхъ, особенно начинающихъ, стало служить хорошимъ руководствомъ при ихъ занятіяхъ не только синодальными, а и какими бы то ни было рукописями“.— „Послѣднее тридцатилѣтіе учено-литературной дѣятельности Высокопр. Саввы посвящено главнымъ образомъ собранію и изданію разнаго рода церковно-историческихъ матеріаловъ, но большей части весьма важныхъ и для развитія историческаго самосознанія въ нашемъ отечествѣ и для разныхъ отраслей научнаго труда“. Изданіе матеріаловъ у Высокопр. Саввы представляетъ собою трудъ не механической, а глубоко осмысленный, съ обширными предисловіями и многочисленными примѣчаніями, строго-провѣренными справками, основанными на точныхъ архивныхъ свѣдѣніяхъ, а потому является какъ бы живою лѣтописью церковно-гражданской жизни нашего отечества за время, начиная съ послѣдней половины прошедшаго и кончая послѣдними годами истекающаго столѣтія, сопровождаемою свѣтлымъ, вѣрнымъ и безпристрастнымъ взглядомъ на событія того времени и на дѣянія историческихъ лицъ. Въ ряду церковно-историческихъ трудовъ и изданій Высокопр. Саввы можно, между прочимъ, указать: „воспоминанія о Высокопр. Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ“, „письма Московскаго митрополита Филарета къ покойному архіепископу Тверскому Алек-

сію“, „письма Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ“, „письма Моск. м. Филарета къ игуменіи Спасо-Богородицкаго монастыря Сергія“, „сборникъ писемъ духовныхъ лицъ XVIII в. къ преосв. Арсенію (Верещагину), архіеп. Ростовско-Ярославскому, бывшему епископу Тверскому и Кашинскому“, а въ особенности „собрание мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“ (въ шести томахъ) и „собрание мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. Моск. и Колом., по дѣламъ православной церкви на востокъ“.—Эти замѣчательныя писанія великаго Московскаго святителя; „извлеченныя изъ архивовъ Св. Синода, духовно-учебныхъ заведеній Петербургскихъ и Московскихъ, министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“ и др., „въ лицѣ Высок. Саввы, одного изъ лучшихъ и вѣрныхъ питомцевъ и хранителей завѣтовъ митрополита Филарета, нашли себѣ наилучшаго истолкователя и издателя. А между тѣмъ не легко и измѣрить весь объемъ, всю громаду значенія и пользы этихъ писаній для церкви, для гражданскаго общества и изъ наукъ—для церковной (и отчасти гражданской) исторіи, для церковнаго (и отчасти гражданскаго) права, для словесности (также церковной и гражданской), для богословія во всѣхъ его частяхъ и видахъ, даже для философіи и наконецъ для церковной практики“. Во всѣхъ указанныхъ трудахъ и изданіяхъ Высокопр. Саввы имѣется много цѣннаго, важнаго въ различныхъ отношеніяхъ и по большей части дотолѣ неизвѣстнаго въ печати, а затѣмъ не рѣдко сообщаются принадлежащія именно ему самому, какъ автору, свѣдѣнія и данныя, которыми проливается совсѣмъ новый свѣтъ на многія историческія лица и событія, исправляются и измѣняются взгляды, дотолѣ существовавшіе и уже утвердившіеся въ наукѣ, открываются новыя точки отправления въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Вторая комиссія въ своемъ отзывѣ писала:

„Преосвященный Виссаріонъ, начавъ свою литературную дѣятельность ученымъ изслѣдованіемъ, привлекшимъ къ себѣ вполне заслуженное вниманіе, именно, магистерскою диссертациею „Святой Димитрій митрополитъ Ростовскій“, не-

устанно, въ теченіе ужи почти полувѣка (1848—1894 гг.), обогащаетъ русскую богословскую литературу многочисленными сочиненіями, содержащими 1) истолкованіе Священнаго Писанія, 2) раскрытіе истинъ православнаго нравоученія и вѣроученія 3) изъясненіе богослуженія и общеупотребительныхъ молитвъ и 4) обличеніе заблужденій раскольническихъ“.

„Истолковательные труды автора содержатъ изъясненіе паримій изъ пятокнижія Моисеева, изъ книгъ Иисуса Навина, Судей, Царствъ, Паралипомонъ, Іова, Притчей и Премудрости Соломона, прор. Исаи, Іереміи, Іезекииля, Даніила, Іоила, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи, и Малахіи. Главная цѣль истолкованія паримій состояла для автора въ томъ, чтобы облегчить разумѣніе ихъ для тѣхъ читателей, которые, слыша чтеніе ихъ при богослуженіяхъ, ищутъ въ нихъ духовнаго назиданія. Этою цѣлію изъясняется, во-первыхъ, строгое слѣдованіе церковно-славянскому тексту богослужебныхъ книгъ и церковно-славянской библии; во-вторыхъ, — общедоступность изложенія; въ третьихъ, — обстоятельное раскрытіе связи рѣчи, основаній для такого, а не другаго истолкованія, значенія изъясняемыхъ событій и изреченій въ отношеніяхъ: догматическомъ, нравственномъ, психологическомъ, историческомъ и, наконецъ, основаній для отвѣтовъ на различныя недоумѣнія и возраженія. Нерѣдко истолкователь паримій приводитъ святоотеческія истолкованія. Онъ пользуется, съ соблюденіемъ строгой критики, и трудами иностранныхъ толкователей, наприм., Розенмиллера, Шольца и Дерезера, Кейля, Делича, Курца и нѣкоторыхъ другихъ. Истолковательные труды преосв. Виссаріона вполне самостоятельны и, въ то же время, въ точности сообразны съ началами толкованія, принятыми православною церковію“....

„Истины православнаго нравоученія и вѣроученія излагаются преосв. Виссаріономъ въ слѣдующихъ книгахъ: „Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“, „Очерки христіанской жизни“, „Черты христіанскаго ученія“, „Сборникъ для назидательнаго чтенія“, „Духовная пища“, „Духовный свѣтъ“ и др.... Точность, ясность и простота изложенія составляютъ отличительныя черты всѣхъ сейчасъ перечисленныхъ трудовъ“.

„Изъясненіе богослуженія и молитвословія православной

церкви авторъ даетъ въ слѣдующихъ трудахъ: „Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василія Великаго“, „О вечернѣ“ и „Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ“. Въ толкованіи на литургію авторъ раскрываетъ ближайшій смыслъ ея, на сколько онъ вытекаетъ изъ самаго текста ея. Авторъ не раздѣляетъ воззрѣнія на литургію тѣхъ толкователей ея, которые видятъ во всемъ составѣ литургіи послѣдовательное, въ хронологическомъ порядкѣ, изображеніе земной жизни Христа Спасителя отъ рожденія Его до вознесенія на небо. По справедливому взгляду автора, вся литургія, во всемъ ея составѣ, есть проповѣдь о Христѣ, воспоминаніе о Немъ, особенно о послѣднихъ дняхъ Его земной жизни, но отнюдь не есть хронологическое о ней повѣствованіе. Къ особенностямъ разсматриваемаго труда автора должно отнести и подробное, не встрѣчающееся въ другихъ сочиненіяхъ о литургіи, изъясненіе антифоновъ, прокимновъ, входныхъ стиховъ, аллилуаріевъ и причастныхъ, съ присовокупленіемъ обстоятельныхъ соображеній о значеніи въ литургіи этихъ составныхъ частей ея“.

„Книга о расколѣ и по поводу раскола“ содержитъ собраніе церковныхъ бесѣдъ автора, которыя онъ произносилъ ежегодно, начиная съ перваго года открытія Московскаго противораскольническаго Братства св. Петра митрополита, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, въ каждый годовой праздникъ Братства. Для утвержденія православныхъ въ преданности святой церкви и для вразумленія отпадшихъ отъ нея бесѣды автора о расколѣ имѣютъ важное значеніе“.

По выслушаніи представленій обѣихъ комиссій совѣтъ постановилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о возведеніи Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, въ ученую степень доктора церковной исторіи, а Преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго и Галичскаго, въ ученую степень доктора богословія ¹⁾).

Возведеніе Высокопр. Саввы въ высшую ученую степень даетъ намъ основаніе съ великою признательностію упомянуть здѣсь объ одномъ добромъ дѣлѣ, которымъ уважаемый

¹⁾ Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 іюня Высокопр. Савва и Виссаріонъ утверждены въ присужденныхъ имъ ученыхъ степеняхъ.

архипастырь выразилъ въ истекшемъ учебномъ году свое особенное расположеніе къ родной ему Московской академіи, и воспитавшей его и состоявшей нѣкогда подъ его начальственнымъ руководствомъ.

Еще въ первой половинѣ минувшаго 1893-го года Высокопр. Савва выразилъ желаніе, чтобы послѣ его кончины Московская Духовная Академія явилась главною наслѣдницей тѣхъ научныхъ сокровищъ, книгъ и рукописей, какія имѣются въ его обширной и многоцѣнной библиотекѣ. Во исполненіе этого желанія, профессоръ И. Н. Корсунскій, по порученію академическаго совѣта, обзрѣвалъ библиотечку Его Высокопреосвященства на мѣстѣ ея нахождения въ Твери и затѣмъ, при содѣйствіи библиотекаря академіи Н. А. Колосова, отмѣтилъ по ея общему каталогу все то, что можно было признать желательнымъ и полезнымъ для приобрѣтенія въ академію. Въ результатъ такого пересмотра оказалось, что изъ 8607 названій книгъ по каталогу библиотечки Его Высокопреосвященства было отобрано для академіи 6147 названій, списокъ коихъ и былъ представленъ совѣту профессоромъ Корсунскимъ вмѣстѣ съ донесеніемъ объ исполненіи имъ возложеннаго на него совѣтомъ порученія.—Въ февралѣ 1894-го года Высокопреосвященнѣйшій Савва писалъ въ совѣтъ М. Д. Академіи слѣдующее:

„По окончаніи въ 1850 г. образованія въ Московской Духовной Академіи, я, свыше сорока лѣтъ проходя разныя церковныя служенія и учебно-административныя должности (въ томъ числѣ должность Ректора и профессора въ Московской академіи), а также состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ,—имѣлъ возможность составить очень значительную библиотечку, состоящую изъ книгъ и частию рукописей разнаго, преимущественно Богословскаго и церковно-историческаго содержанія. Собранными такимъ образомъ сокровищами я пользовался до сего времени при своихъ учено-литературныхъ трудахъ. Нынѣ-же, по преклонности лѣтъ и при оскудѣвающихъ силахъ, я не въ состояніи болѣе продолжать ученыя занятія и потому не могу уже пользоваться помянутыми книжными сокровищами. Но чтобы эти сокровища не оставались безъ полезнаго и цѣлесообразнаго употребленія, я заблагоразсудилъ лучшія и наиболѣе цѣнныя

книги и рукописи своей библіотеки принести въ даръ Московской Духовной Академіи, въ благодарную память о моемъ воспитаніи въ этой академіи и о начальствованіи въ оной“.

„Препровождая при семъ въ Совѣтъ Академіи сдѣланное мною духовное завѣщаніе о передачѣ, послѣ моей смерти, лучшей и важнѣйшей части моей библіотеки, по особому списку книгъ и рукописей, въ собственность Московской Духовной Академіи, покорнѣйше прошу принять отъ меня этотъ посмертный даръ“.

Тотчасъ по полученіи этого официальнаго заявленія и нотаріальной выписки изъ духовнаго завѣщанія Владыки, признательная академія, имѣя въ виду очень высокую цѣнность дара (свыше 50,000 рублей), послѣшила торжественно засвидѣтельствовать Его Высокопреосвященству свою глубокую благодарность. Февраля 23-го въ часъ по-полудни къ Высокопр. Саввѣ явилась нарочно прибывшая въ Тверь особая депутация отъ академіи, состоявшая изъ профессоровъ: П. И. Горскаго-Платонова, Г. А. Воскресенскаго и И. Н. Корсунскаго, при чемъ старѣйшій изъ ея членовъ, проф. Горскій, прочиталъ слѣдующій адресъ: „Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Милостивѣйшій Отецъ и Архипастыръ!“ — „Московская духовная академія уже давно знала о богатствѣ книжныхъ сокровищъ Вашей библіотеки, съ глубокимъ уваженіемъ взирала на постоянное увеличеніе этихъ сокровищъ, какъ на выраженіе Вашей любви къ наукѣ и словесности, и съ чувствомъ искренней радости и признательности относилась къ безкорыстію и беззавистности, съ какими Ваше Высокопреосвященство открывали свободный доступъ къ этимъ сокровищамъ всякому, искавшему въ нихъ пособія къ своимъ научнымъ или литературнымъ изслѣдованіямъ. Нынѣ Ваше Высокопреосвященство изъявили готовность самую большую и важнѣйшую часть этихъ сокровищъ пожертвовать въ библіотеку академическую, съ предоставленіемъ академіи права воспользоваться для сей библіотеки всѣмъ, что было-бы признано для нея въ научномъ отношеніи болѣе или менѣе важнымъ, нужнымъ, и полезнымъ. Пользуясь этимъ правомъ, академія извлекла свыше 6,000 названій книгъ и рукописей по каталогу Вашей библіотеки, изъ

коихъ весьма многія очень рѣдки и цѣнны, а всё въ томъ или другомъ отношеніи важны, нужны и полезны для библіотеки академической. Такой безпримѣрно щедрый и драгоценный даръ истинно отеческой любви Вашей къ родной академіи побуждаетъ послѣднюю выразить предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ истинно сыновнія горячія чувства духовной радости и глубочайшей благодарности за сей даръ, которыя всегда будутъ жить въ сердцахъ академической братіи и одушевлять собою воспоминаніе о Васъ, какъ одномъ изъ лучшихъ и славныхъ питомцевъ, начальниковъ и благодѣтелей академіи“.

По утвержденному Высокопреосвященнѣйшимъ Сергіемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, опредѣленію академическаго совѣта постановлено: „по полученіи книгъ, помѣстить ихъ, вмѣстѣ съ потретомъ Архипастыря, въ особомъ залѣ библіотеки“.

Щедрымъ и драгоценнымъ даромъ своимъ Высокопреосв. Савва оставляетъ теперь по себѣ неизгладимую память въ академіи. Не часто бываютъ примѣры, чтобы библіотека какого-либо учрежденія сразу получала такое громадное приращеніе. Наша академическая библіотека, справедливо пользующаяся почетною извѣстностію, насчитываетъ въ настоящее время свыше пятидесяти тысячъ названій. Многіе десятки лѣтъ копилась эти книжныя сокровища, а теперь щедротами Архипастыря она одновременно получаетъ такой богатый вкладъ, какой ей пришлось-бы наживать еще многіе годы. Имя Высокопр. Саввы и доселѣ всегда глубоко чтилось въ Московской Академіи. Правда, уже не много осталось здѣсь людей, сохраняющихъ личныя воспоминанія о его ректорскомъ служеніи въ академіи, но признательная память о немъ переходитъ изъ рода въ родъ въ академическихъ преданіяхъ какъ о человѣкѣ, сумѣвшемъ и въ краткій (1861—62 гг.) срокъ своего ректорства „сдѣлать такъ, что не могло остаться о немъ никакихъ другихъ воспоминаній, кромѣ добрыхъ“¹⁾. Теперь жертвуемые Архипастыремъ тысячи томовъ еще болѣе оживятъ и навсегда укрѣпятъ признательную о немъ память въ академіи и сотни

¹⁾ Слова сослуживца Высокопр. Саввы по академіи, проф. П. И. Горскаго-Платонова, изъ рѣчи его произнесенной во время пребыванія академической депутаціи въ Твери.

духовныхъ юношей, воспитывающіяся въ ея стѣнахъ, пользуясь научными сокровищами библіотеки, вѣчно будутъ поминать имя Высокопресвященнаго Саввы вмѣстѣ съ столь же дорогими именами А. В. Горскаго и К. И. Невоструева.

Въ мартовскомъ засѣданіи совѣта происходило обычное присужденіе премій за ученые труды, появившіеся въ печати въ истекшемъ году. На этотъ разъ на премію Высокопр. Митрополита Макарія были представлены сочиненія: доцента А. И. Введенскаго „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“ и экстр. профессора В. О. Кипарисова „Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“.

Въ отзывѣ о книгѣ А. И. Введенскаго о. ректоръ академіи, между прочимъ, писалъ: „означенный трудъ представляетъ собою результатъ изученія авторомъ заграничной философіи не только по книгамъ, но и чрезъ слушаніе преподававшихся въ 1891 году курсовъ въ Берлинѣ и Парижѣ. Послѣднимъ обстоятельствомъ обуславливается двойной интересъ книги, описывающей, какъ содержаніе философскихъ курсовъ, такъ и отношеніе къ нимъ слушателей и общества и такимъ образомъ раскрывающей различныя направленія современной мысли въ ихъ взаимной связи съ жизнью запада... Въ книгѣ своей, занимающей собою свыше 30-ти печатныхъ листовъ, авторъ изложилъ и критически рассмотрѣлъ полныя системы четырехъ германскихъ и трехъ французскихъ мыслителей, и сверхъ того отмѣтилъ характеристическія черты едва-ли не всѣхъ сколько нибудь выдающихся представителей философскихъ кафедръ. Главныя достоинства изложенія А. И. Введенскаго заключаются во первыхъ въ талантливой систематизаціи ученій и во вторыхъ.—въ умѣннн поставитъ ихъ во взаимную связь и показать, что дастъ каждый мыслитель для разрѣшенія вопросовъ, наиболѣе соприкосновенныхъ съ религіей и моралью. Такимъ образомъ авторъ является не пассивнымъ излагателемъ конспектовъ, а критикомъ и систематикомъ. Полнота содержанія, глубина мысли, ясность и жизненность изложенія дѣлаютъ трудъ автора замѣтнымъ вкладомъ въ русскую философскую литературу“...

О книгѣ В. О. Кипарисова орд. профессоръ А. П. Лебедевъ въ своемъ отзывѣ писалъ: „Авторъ, если не оши-

баемся, изучилъ все, что прямо или косвенно относилось къ вопросу о проповѣдничествѣ покойнаго митрополита Макарія, какъ то: письма его и къ нему, воспоминанія о немъ, матеріалы, характеризующіе то время, въ какое жилъ и дѣйствовалъ этотъ пастыреначальникъ..... Сочиненіе автора послужитъ въ будущемъ очень цѣннымъ пособіемъ для составителя полной біографіи покойнаго московскаго святителя—каковая біографія очень желательна.... Такъ какъ авторъ, изучая свое дѣло, руководствовался методомъ историко-критическимъ и отчасти сравнительнымъ, то ему пришлось много изучать—ради его спеціальной цѣли—другихъ извѣстнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ прежняго времени, напр. Иннокентія, арх. Херсонскаго, что отчасти вело къ необходимости изучать и то, что говорилось объ Иннокентіи, какъ проповѣдникѣ, въ литературѣ.—Авторъ не оставилъ безъ вниманія и древнюю святоотеческую литературу, справедливо отыскивая здѣсь надежное руководство и критеріи для правильности собственныхъ сужденій. И что особенно хорошо,—онъ извлекаетъ отсюда такія изреченія и тирады, которыя оставляли безъ вниманія другіе изслѣдователи по гомилетикѣ.... Сочиненіе В. О. Кипарисова, заключаетъ свой отзывъ проф. Лебедевъ, заслуживаетъ преміи уже по тому одному, что оно имѣетъ темой то самое лице, щедротами котораго создавалась и самая премія. Премируя трудъ нашего автора, академія тѣмъ самымъ выразить свои благодарныя чувства къ основателю преміи, имя котораго—увѣрять—дорого для всего учено-богословскаго міра“.

Совѣтъ опредѣлилъ раздѣлить имѣвшуюся въ его распоряженіи 500-рублевую премію на двѣ половины и выдать ихъ доценту А. И. Введенскому и экстр. профессору В. О. Кипарисову.

Еще года полтора тому назадъ мы говорили объ учрежденіи Преосв. Николаемъ, епископомъ Алеутскимъ и Аляскинскимъ, преміи въ 300 рублей за составленіе „обстоятельной біографіи покойнаго ректора М. Д. А. протоіерея А. В. Горскаго“. Къ сожалѣнію, доселѣ никто изъ наставниковъ академіи не изъявилъ желанія принять на себя этотъ трудъ. Думаемъ, что желающій нашелся-бы съ теченіемъ времени; но, конечно, не тотчасъ, такъ какъ многіе изъ

академическихъ профессоровъ заняты своими срочными серьезными работами и, при всемъ своемъ искреннемъ желаніи почтить должнымъ образомъ память незабвеннаго Александра Васильевича, не имѣютъ возможности принять на себя немедленно новый трудъ. Между тѣмъ дальнѣйшее ожиданіе многимъ представлялось неудобнымъ и найдено было нужнымъ дать дѣлу о преміи теперь-же какое-либо движеніе. Въ засѣданіи совѣта 21-го февраля 94 г. проф. А. П. Лебедевъ сдѣлалъ предложеніе „включить „обстоятельную біографію А. В. Горскаго“ въ число темъ, которыя будутъ назначены въ слѣдующемъ учебномъ году въ качествѣ кандидатскихъ“. Премія, по проекту проф. Лебедева, должна быть присуждена автору сочиненія на такихъ основаніяхъ: 1) баллъ на сочиненіи долженъ быть не менѣе 4½, 2) присуждается премія въ июньскомъ засѣданіи совѣта, 3) сужденіе о томъ, заслуживаетъ ли сочиненіе преміи, поручается особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ о. ректора академіи и 4) удостоенное преміи сочиненіе составляетъ собственность редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и въ немъ печатается.—Совѣтъ академіи принялъ предложеніе проф. Лебедева и такимъ образомъ мы можемъ надѣяться, что черезъ годъ будетъ наконецъ составлена обстоятельная біографія Александра Васильевича. Отъ души желая полнаго успѣха будущему автору біографіи, мы можемъ пожалѣть лишь о томъ, что такимъ авторомъ выступаетъ лице, отдѣленное цѣлыми десятилѣтіями отъ покойнаго о. ректора и потому не имѣвшее счастья стоять подъ благотворнымъ вліяніемъ непосредственнаго съ нимъ знакомства. Конечно, въ его распоряженіи будутъ многія письма и бумаги Александра Васильевича; онъ прочтетъ не малое количество воспоминаній, написанныхъ въ свое время подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины незабвеннаго о. ректора; многіе изъ наличныхъ профессоровъ академіи, служившихъ или учившихся при Александрѣ Васильевичѣ, изъявили готовность содѣйствовать составителю біографіи сообщеніемъ какихъ-либо свѣдѣній или своихъ личныхъ впечатлѣній; но все это не дастъ ему, конечно, того живаго и цѣлостнаго образа, какой неизгладимо запечатлѣлся бы въ душѣ его, если-бы самъ онъ былъ ученикомъ и сослуживцемъ безцѣннаго „папаши“. Но, что-же дѣлать?! Чего нѣтъ, того не создашь.

Дай Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ возможнаго предполагаемый трудъ былъ достойнымъ своего предмета, а затѣмъ будемъ надѣяться, что первый шагъ автора не останется одинокимъ.

Во внѣшнихъ условіяхъ существованія Московской академіи минувшій годъ произвелъ нѣкоторое улучшеніе. Давно уже и неоднократно намъ приходилось и слышать и высказывать сѣтованія на тѣспоту и неудобство помѣщеній, занимаемыхъ въ стѣнахъ лавры нашею академіей. Отчасти вѣроятно благодаря такимъ свойствамъ помѣщеній, а отчасти вслѣдствіе нѣкоторыхъ недостатковъ въ устройствѣ, унаслѣдованномъ отъ сѣдой старины, которая не любила сообразоваться съ требованіями гигиеническими, санитарное состояніе нашей академіи за послѣднее время далеко нельзя было назвать блестящимъ. Среди учащагося юношества слишкомъ часто стали обнаруживаться легочныя заболѣванія, ипогда сопровождавшіяся, какъ мы знаемъ, печальнымъ исходомъ. Чтобы по возможности предотвратить впредь такія явленія, возбуждено было предъ высшею властію ходатайство объ ассигнованіи суммъ, потребныхъ для производства въ академіи нѣкоторыхъ построекъ и передѣлокъ. Инициаторомъ этого ходатайства и главнымъ дѣятелемъ въ проектированіи плановъ постройки былъ покойный о. Архим. Григорій. Къ концу 93-го года ходатайство было уважено и съ весны 94-го года начались работы. Вся ассигнованная по смѣтѣ сумма простирается до 60-ти тысячъ рублей, но она должна быть израсходована не на одну какую-либо постройку, а на нѣсколько различныхъ работъ. Прежде всего, около двадцати тысячъ исчислено на сооруженіе новаго двухъэтажнаго корпуса, который непосредственно примыкаетъ къ одному изъ прежнихъ, вмѣщающихъ въ себѣ студенческія помѣщенія, аудиторіи и квартиры чиновъ инспекціи. Новый корпусъ весьма не значителенъ по своимъ размѣрамъ,—въ немъ всего 27 аршинъ длины и 16 аршинъ ширины. По предположенію, въ верхнемъ этажѣ этого корпуса устроятся помѣщенія для студентовъ, а въ нижнемъ—квартира помощника инспектора академіи. Такимъ образомъ весь этотъ новый корпусъ, уже седьмой въ общемъ счетѣ академическихъ зданій, послужитъ къ расширенію студенческихъ помѣщеній, такъ какъ прежняя квартира помощника инспек-

тора предоставляется также студентамъ. Для улучшенія санитарныхъ условій академіи отъ всѣхъ ея зданій устроится канализація съ выводомъ трубъ за стѣны лавры и съ сооруженіемъ тамъ фильтра. Весьма значительному ремонту подвергается зданіе академической бібліотеки, страдающее, особенно въ ея нижнемъ этажѣ, сыростію, т. е. такимъ свойствомъ, которое въ хранилищѣ драгоцѣнныхъ рукописей и книгъ всего менѣе можетъ быть терпимо. Для устраненія этого недостатка теперь предпринята передѣлка всѣхъ печей, выемка земли съ устройствомъ сводовъ и вытяжныхъ трубъ для осушки и замѣна всѣхъ колодъ и рамъ новыми. Наконецъ около десяти тысячъ употребляется на ремонтъ главнаго корпуса, т. е. такъ называемыхъ чертоговъ, гдѣ въ недавнее время замѣчна въ нѣкоторой части осадка, образовались трещины въ потолкахъ и мѣстами значительно осыпался фундаментъ. Конечно и послѣ благополучнаго совершенія всѣхъ этихъ работъ наша академія съ точки зрѣнія внѣшняго благоустройства и удобствъ все-таки оставляетъ желать еще очень многого. Такъ ужъ ей, какъ говорится, на роду написано, чтобы сколько въ ней ни производилось построекъ, все-таки оставалась она на всегда неуклюжею и неудобною. Когда проэктъ послѣднихъ построекъ былъ на разсмотрѣніи одного высокопоставленнаго лица, оно, говорятъ, замѣтило: „сколько вы ни стройтесь, ничего хорошаго все-таки у васъ не выйдетъ“. Совершенно вѣрно. Изъ семи отдѣльныхъ корпусовъ никакъ ужъ одного не сдѣлаешь, а пристройкою къ нимъ все новыхъ и новыхъ, насколько позволяетъ то скученность зданій внутри стѣн лавры, можно достигнуть лишь сравнительнаго простора, но никакъ не красоты и удобства. При взглядѣ на наши академическія зданія, разрастающіяся то вверхъ то вбокъ, намъ нерѣдко приходитъ въ голову все та-же мысль, что даже и съ хозяйственной точки зрѣнія было-бы вѣроятно гораздо лучше, если-бы позволили наконецъ Московскій академіи навсегда проститься съ посадомъ. Намъ думается: лучше было-бы однажды затратить нѣсколько сотенъ тысячъ, чтобы устроить въ Москвѣ для академіи разъ навсегда удобное и во всѣхъ отношеніяхъ хорошее помѣщеніе, чѣмъ хронически расходовать въ посадѣ по многимъ десяткамъ тысячъ, безъ надежды добиться когда-либо удовлетворитель-

ныхъ результатовъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какія суммы выходятъ въ концѣ концовъ изъ этихъ постоянно повторяющихся затратъ, сдѣлаемъ маленькую историческую справку. Въ 1870-мъ году въ духовныхъ академіяхъ производилась реформа. Въ это самое время, въ виду необходимости приспособленія и существующихъ академическихъ зданій къ требованіямъ новаго устава, возбужденъ былъ серьезно въ печати вопросъ о переводѣ Московской академіи въ Москву. Противники перевода, между прочимъ, указывали и на то, что это предпріятіе обойдется слишкомъ дорого. Какъ бы то ни-было, академія осталась и доселѣ остается въ посадѣ; но не думайте, чтобы ея пребываніе здѣсь стоило очень дешево. Съ той поры, т. е. въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ, въ нашей академіи произведены были, сверхъ обычныхъ ремонтовъ, слѣдующія постройки:

а) Въ 1874 году началась постройка новаго особаго двухъ-этажнаго зданія для академической библіотеки. Израсходовано по смѣтѣ на эту постройку 61,000 рублей ¹⁾.

б) Въ то-же время и въ связи съ этою постройкой началось производство и другихъ работъ, а именно столовая студентовъ, кухня, хлѣбная и др. хозяйственныя помѣщенія были переведены въ зданіе, прежде занимавшееся библіотекой, а вмѣсто ихъ въ главномъ корпусѣ устроены помѣщенія для студентовъ. Израсходовано на это 29,000 руб.

в) Въ 1879 г. надъ академическою церковію устроены куполь и ея помѣщеніе расширено особою пристройкой. Израсходовано на это 11,000 руб.

г) Въ 1883—85 гг. надъ большимъ корпусомъ, гдѣ помѣщались аудиторіи, надстроены третій (кромѣ подвального) этажъ. Сюда переведены всѣ аудиторіи, а ихъ прежнее мѣсто занято жилыми помѣщеніями студентовъ. Кромѣ того, надстроены второй этажъ и произведено расширеніе зданія больницы. Израсходовано на это 85,000 руб.

д) Въ 1892 г. произведено весьма значительное расширеніе академической церкви съ прибавленіемъ къ ней каменной двухъ-этажной пристройки, въ верхнемъ этажѣ которой помѣщенъ алтарь и ризница, и съ неизбѣжной пе-

1) Цифры мы приводимъ только въ тысячахъ, отбрасывая сотни.

рестройкой смежныхъ съ нею помѣщеній. Израсходовано на это до 25,000 руб.

е) Въ настоящемъ году произведена постройка еще новаго двухъ-этажнаго корпуса для увеличенія помѣщеній студентовъ, а также значительно передѣлано зданіе библиотеки, устроена канализація и т. д. Ассигновано: 60,000 руб. — Итакъ на улучшеніе и расширеніе академическихъ помѣщеній истрачено 271,000 рублей, а что же вышло въ результатъ? Не отличается наша академія ни красотой, ни удобствами, да едва ли когда и будетъ въ состояніи похвастаться этими свойствами. Могло бы выйти и выйдетъ, конечно, не то, если вмѣсто постоянно повторяющихся частичныхъ затратъ, однажды была бы произведена, или произведется крупная постройка. Впрочемъ, что мечтать о томъ, чего, говорягъ, пока мы живы, быть не можетъ. Будемъ пока довольны и тѣмъ, что наша академія теперь состоитъ не изъ шести, а изъ семи корпусовъ, и въ ея санитарныхъ условіяхъ произведено нѣкоторое существенное улучшеніе.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Московская академія и въ минувшемъ учебномъ году стояла въ живой связи съ мѣстнымъ населеніемъ Сергіевскаго посада, удѣляя часть своего вниманія и труда на духовно-просвѣтительную дѣятельность въ его пользу, на сколько позволяли это ея главныя, научно-богословскія занятія. Такого рода дѣятельность выразилась въ богослуженіяхъ и воскресныхъ бесѣдахъ, совершавшихся въ домовомъ академическомъ храмѣ. Во все почти продолженіе учебнаго года, съ 30 сент. до недѣли Троицкой, божественная литургія совершалась въ академическомъ храмѣ ежедневно, при чемъ въ дни учебные она начиналась въ 7 часовъ утра, чтобы участвующіе въ богослуженіи студенты къ началу лекцій были уже свободными. Особенною торжественностію и многолюдствомъ отличалось, конечно, богослуженіе утрени и литургія въ свѣтлый день Воскресенія Христова, совершавшееся о. ректоромъ академіи въ сослуженіи восьми іеромонаховъ и священниковъ, и трехъ діаконовъ. Евангеліе на литургіи читано было на языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, славянскомъ, русскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, японскомъ и арабскомъ. — Вскорѣ послѣ

пасхи, а именно 1-го мая въ недѣлю жень мгноносиць, по обычаю, совершена была о. ректоромъ соборнѣ литургія на греческомъ языкѣ, при чемъ часы предъ литургіей читалъ студентъ-арабъ П. Жузе, апостоль и символъ вѣры студентъ-арабъ Хабибъ-Хананія, а евангеліе студентъ-діаконъ грекъ о. Каллисть. — По воскреснымъ днямъ, въ 3 часа пополудни, во все продолженіе года неизмѣнно происходили виѣбогослужебныя собесѣдованія при общемъ пѣніи всего, собиравшагося на нихъ народа. Въ произнесеніи бесѣдъ болѣе всѣхъ потрудился о. ректоръ академіи (10 разъ), главнымъ помощникомъ ему явился студентъ священникъ С. Никольскій (7 разъ), а затѣмъ бесѣдовали по одному или по два раза въ годъ еще девятнадцать студентовъ, изъ коихъ восемь имѣющихъ священный санъ. Предметомъ бесѣдъ до января 1894 г. служила исторія апостольская и церковная до эпохи вселенскихъ соборовъ, а съ января — исторія церкви съ IV-го в. въ очеркахъ жизни и подвиговъ великихъ учителей и святителей и преподобныхъ подвижниковъ монашества. По окончаніи бесѣдъ народу раздавались Троицкіе листки, а иногда мелкія брошюры или образки. Слушатели стекались всегда на бесѣды съ большимъ усердіемъ. Наименьшее количество ихъ выразилось въ цифрѣ 230, а наибольшее — 1,400 чел. Среднимъ числомъ на каждую бесѣду приходится 642 слушателя. Всего болѣе бесѣды посѣщались въ воскресные дни святой четыредесятницы, а общее число всѣхъ, бывшихъ на бесѣдахъ въ продолженіе учебнаго года выражается въ почтенной цифрѣ 23,757 чел.

Хотя наша академія и деревенская, хотя, вслѣдствіе ея отдаленія отъ столицы, всякаго рода высокіе посѣтители заглядываютъ въ нее сравнительно не часто, однако многіе, особенно изъ лицъ духовныхъ, пріѣзжая въ Лавру для поклоненія мощамъ преподобнаго Сергія, считаютъ не лишнимъ оказать вниманіе Московской академіи своимъ посѣщеніемъ. Изъ православныхъ архипастырей въ минувшемъ 1893-мъ году академию посѣтили Высокопреосвященные: митрополитъ Іоанникій Кіевскій и архіепископы: Θεогностъ Новгородскій, Владиміръ Казанскій, Модестъ Волынскій и Іонаанъ Ярославскій и Преосвященные епископы: Антоній Черниговскій, Никаноръ Архангельскій, Діонисій Уфимскій,

Ювеналій Курскій, Александръ Витебскій, Антонинъ Псковскій, Іустинъ Тобольскій, Ириней Тульскій, Петръ Сухумскій, Германъ бывшій Кавказскій, Иларіонъ Полтавскій, Никонъ Угличскій, Владиміръ Острогожскій, Сергій Новгородъ-Сѣверскій, Александръ Дмитровскій, Тихонъ Можайскій, Іоанникій Михайловскій и Іоаннъ Сумскій. Въ первую половину 1894-го года въ числѣ почетныхъ посѣтителей академіи были пресвящ. епископы: Александръ Калужскій, Алексій Балахнинскій, Анастасій Воронежскій, Іеронимъ Литовскій и Виссаріонъ Костромскій. Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ академію архипастырей, а именно: пресвященные Александръ Калужскій, Тихонъ Можайскій, Петръ Сухумскій и Іоанникій Михайловскій, совершали богослуженіе въ академической церкви.

Само собою разумѣется, что для Московской академіи всего болѣе цѣны и значенія имѣли тѣ благосклонныя и продолжительныя посѣщенія, какими удостоилъ ее въ маѣ мѣсяцѣ ея высокій покровитель и руководитель, Высокопреосвященнѣйшій Сергій митрополитъ Московскій и Коломенскій. Прибывъ въ Лавру 19-го числа, Его Высокопреосвященство на другой же день посѣтилъ академію и болѣе часа присутствовалъ на экзаменѣ студентовъ четвертаго курса по догматическому богословію, а 23-го числа былъ столько же времени на экзаменѣ студентовъ 1-го курса по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ. На обоихъ этихъ экзаменахъ Владыка принималъ самое живое участіе въ производствѣ испытанія, предлагалъ студентамъ многіе вопросы, требовалъ различныхъ разъясненій и дополненій къ ихъ отвѣтамъ, и вмѣстѣ съ экзаменаторами обсуждалъ нѣкоторые научные вопросы, насколько позволяло время. Самое окончаніе учебнаго академическаго года совершилось при непосредственномъ благословеніи Его Высокопреосвященства. Въ день Св. Троицы, 5-го іюня, послѣ торжественнаго богослуженія въ Лаврскомъ Троицкомъ соборѣ, вся академическая корпорація принимала благословеніе Владыки въ митрополичьихъ покояхъ и удостоилась его благосклоннаго приглашенія на сервированный здѣсь завтракъ, а на другой день, т. е. 6-го числа окончился нашъ учебный годъ. Въ академическомъ храмѣ въ этотъ день послѣ литургіи совершено было торжественное молебствіе съ обычными воз-

глашеніями, а предъ началомъ молебствія о. ректоръ академіи обратился къ студентамъ съ напутственнымъ словомъ. Еще одинъ годъ прибавился въ академическихъ лѣтописяхъ, еще нѣсколько десятковъ молодыхъ людей, завершивъ свое образованіе, вступили въ жизнь съ горячими юношескими мечтами и стремленіями послужить Св. Церкви и отечеству, а оставшіеся въ академіи дѣятели и питомцы получили на нѣсколько мѣсяцевъ полную свободу располагать своимъ временемъ, какъ имъ угодно.

В. Соколовъ.
